

Это была встреча отца и сыновей семьи Су, которая происходила всего несколько раз в год, и, естественно, всё было тщательно организовано.

Как он и предполагал, Су Лаоэр пришёл раньше всех и уже ждал в углу стола.

Лаосань позвал:

— Второй брат!

Су Лаоэр скупно улыбнулся:

— А-Цзэ, я уже думал, что ты совсем забыл о доме, развлекаешься на стороне. Что, деньги закончились?

Су Лаоэр знал, что Лаосань плохо говорит на кантонском, поэтому всегда обращался к нему на этом языке.

Лаосань, находясь не в настроении, не стал вступать в разговор и, не дожидаясь, пока официант подвинет ему стул, сел как попало.

Су Лаоэр презрительно фыркнул. Он считал себя самым понимающим из семьи в отношении младшего брата и потому особенно его презирал. В его глазах Су Цзюньцзэ мог тратить деньги и развлекаться сколько угодно, быть никчёмным — это было естественно. Лживый и хитрый, он всегда вёл себя покорно и мило перед старшим братом и отцом, что для такого типажа было обычным делом. Но что действительно раздражало, так это то, что перед ним Лаосань никогда не притворялся: холодно отвечал, показывал своё недовольство, явно не считая его достойным уважения. Су Лаоэр был особенно чувствителен к вопросам статуса, и поэтому Лаосань вызывал у него наибольшее отторжение.

Он снисходительно спросил:

— Слышал, ты подал отцу предложение открыть сеть кофеен?

Лаосань равнодушно кивнул. Он не испытывал особой неприязни к брату, скорее по практическим причинам: Су Лаоэр был приятен внешне — невысокий, полноватый, с круглым лицом, напоминающим аппетитный шарик. Когда он становился серьёзным, его круглое лицо приобретало комичный вид, а когда он ругал или высмеивал, его лицо искажалось в разных выражениях, что выглядело довольно забавно.

Иногда Лаосань даже специально дразнил его, чтобы вызвать раздражение, но сейчас, глядя на милое лицо брата, он чувствовал только досаду.

Он не спал всю ночь. После того как Красная Фасолька передала А-Да сообщение о встрече, он хотел терпеливо ждать ответа, но к вечеру не выдержал и отправил ему сообщение.

Весь последующий вечер был для него адом. Как бы он ни старался отвлечься, каждые три секунды он проверял телефон. К утру он был готов выбросить его в унитаз.

А-Да так и не ответил. Всю ночь он думал о нём, вспоминал их разговоры, представлял, что А-Да делает сейчас — вдруг он молча вернулся в Сингапур?

Лаосань никогда раньше так не переживал за кого-то.

Теперь он снова достал телефон. Никаких сообщений. Лаосань был уверен, что А-Да больше

никогда не будет с ним общаться.

Он посмотрел на брата и раздражённо сказал:

— Здесь слишком холодно, можешь убавить кондиционер?

Внезапно он почувствовал, как холод поднимается от ног, становясь невыносимым.

Су Лаоэр разозлился. Он что, стал официантом?! Он хотел отчитать Лаосаня, но, подумав, решил не опускаться до уровня невоспитанного человека, и сдержался, с профессиональной улыбкой пошёл регулировать кондиционер.

Как только Су Лаоэр ушёл, Лаосань услышал лай собаки. Он вздрогнул и рефлекторно встал.

Лай становился всё громче, пока собака с громким рёвом не ворвалась в окружённый цветами зал. Увидев Лаосаня, она залаяла ещё громче.

Лаосань вынужден был улыбнуться:

— Старший брат!

Хозяин собаки поднял шарпея и нежно погладил, после чего пёс сразу же успокоился. Лаосань никогда не видел, чтобы кто-то обращался с шарпеем как с декоративной собачкой. У старшего брата было множество собак, и каждый раз, выходя из дома, он выбирал одну из них, как аксессуар. Все его собаки умели громко лаять, и все они успокаивались от одного его прикосновения.

Это вызывало у Лаосаня мурашки по коже.

Су Цзюньхун, старший брат, был самым похожим на отца. Благодаря материнской английской крови его черты лица были более выразительными, а приподнятый уголок губ с лёгкостью создавал эффект холодной насмешливости.

Сейчас он смотрел на Лаосаня именно с такой улыбкой, хотя в глазах была нежность. Он поднял руку от собаки и лёгким движением коснулся лица младшего брата:

— Похудел. Где пропадал?

Лаосань почувствовал, как по его телу пробежали мурашки. Сжав кулаки, он спокойно ответил:

— Лазил по горам.

Су Цзюньхун кивнул, словно всё, будь то чашка кофе или опасное восхождение на гору, заслуживало лишь такого ответа.

— Отец ещё не пришёл? — спросил Лаосань.

Су Цзюньхун ещё не успел ответить, как увидел, как Су Лаоэр и пожилой мужчина медленно вошли в зал.

Господин Су медленно подошёл к столу, задержав взгляд на лицах сыновей лишь на мгновение, и, словно потеряв интерес, оглядел зал.

Ему ещё не было семидесяти, и он выглядел на пятьдесят с небольшим. После операции по удалению раковой опухоли его внешность почти не изменилась, но он стал заметно медленнее. Он понимал, что дела плохи. Поддерживать внешний вид было легко, но остановить внутренний распад невозможно. Поэтому он старался заполнить своё время вдвое большим количеством встреч, назначая свидания с более молодыми женщинами, чтобы не дать тлению вырваться наружу.

К сожалению, это не делало его моложе, а лишь заставляло чаще проявлять раздражение и нетерпение.

С появлением господина Су атмосфера за столом мгновенно изменилась. Лаосань выпрямил спину, но голову опустил ниже. Он был такого же высокого роста, как отец, но за последние годы отец начал сжиматься, и Лаосань вынужден был делать то же самое, чтобы не подчёркивать этот факт.

Господин Су, увидев Лаосаня, неожиданно спросил:

— Полгода тебя не видел. Всё это время был на материке?

Лаосань, с трудом подбирая слова на кантонском, ответил:

— Нет, я был в Сингапуре.

Господин Су больше не стал расспрашивать, словно сам факт того, что сын находится на Земле, был слишком скучным, чтобы углубляться в детали. Он начал оценивать интерьер ресторана, хваля его изысканность. Су Лаоэр тут же оживился и начал с жаром рассказывать о концепции ресторана, упомянув, что на кухне работает шеф-повар с двумя звёздами Мишлен, чья популярность сейчас на пике, и как много усилий потребовалось, чтобы его привлечь.

Су Лаоэр говорил с энтузиазмом, но Лаосань чувствовал себя крайне неуверенно. В отличие от братьев, у него не было должности в корпорации, и отец не проявлял к нему особого интереса. Обычно ему было крайне сложно организовать официальную встречу с отцом. За полгода в Сингапуре он несколько раз подавал предложение о кофейнях отцу и старшему брату, но никогда не получал официального ответа.

Он знал, что вскоре начнётся подготовка бюджета на следующий год, и, несмотря ни на что, он должен был воспользоваться этой встречей, чтобы добиться финансирования.

Лаосань постоянно смотрел в сторону лифта — вдруг А-Да передумает и внезапно появится? Вспоминая, как А-Да ушёл в тот день, Лаосань понимал, что надежды мало. А-Да был прямолинеен, если бы он согласился, то сделал бы это сразу. Вряд ли он появился бы с драматическим заявлением: «Лаосань, я не могу без тебя, давай будем вместе, я сделаю всё, что ты скажешь...»

Лаосань смеялся и грустил одновременно. А-Да больше не будет с ним общаться, возможно, даже не захочет его видеть.

Он нервничал, слушая, как Су Лаоэр расхваливает шеф-повара, и не выдержал:

— Этот шеф-повар, наверное, слишком популярен, чтобы заботиться о том, что едят его гости.

Он вспомнил закуски, которые подавали в лаунж-зоне, и с сарказмом добавил:

— Он уверен, что гости хотят есть яичные вафли с мороженым из сычуаньского перца в ресторане, где средний чек — 1 000 юаней?

После этих слов за столом воцарилась тишина. Су Лаоэр уставился на Лаосаня, а даже Су Цзюньхун, который всё это время ласкал собаку, поднял голову, и на его губах застыла холодная улыбка.

Авторское примечание: Банковская карта тоже является запрещённым словом. Кто может объяснить, почему?..

И в следующей главе снова будет обед.

<http://bllate.org/book/16329/1474031>